

ПЕЧАТНЫЕ «ЧЕТЬИ-МИНЕИ» ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО В СОБРАНИИ НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ И РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ: К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ КНИГИ В НАРОДНОЙ СРЕДЕ

Терешкина Д.Б.¹

¹ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Великий Новгород, Россия (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41); e-mail: terdb@mail.ru

В статье дается обзор экземпляров печатных изданий корпуса агиографических текстов «Четьи-Минеи» из собраний Новгородского музея и Российской государственной библиотеки. Проанализированы «знаки присутствия» читателей и владельцев книг в виде различных помет, записей, закладок, степени и характере загрязнений листов, сохранности переплета и т.д. Анализ поэкземплярного описания «Четьих-Миней» позволяет говорить о характере распространения и рецепции книги читателями. Получен большой фактический материал исторического, общественного, фамильного характера: записи на книгах говорят о событиях в семьях владельцев книг, в городе или уезде, сообщают о событиях повседневной жизни, составляющих «частную историю» общества.

Ключевые слова: книга, «Четьи-Минеи», поэкземплярное описание

PRINT «CHETJI-MINEI» BY DMITRY ROSTOVSKY IN THE COLLECTION OF THE NOVGOROD MUSEUM AND THE RUSSIAN STATE LIBRARY: TO THE QUESTION ABOUT THE EXISTENCE OF THE BOOK IN THE NATIONAL ENVIROMENT

Tereshkina D.B.¹

¹Novgorod State University by Yaroslav de Wise, Velikij Novgorod, Russia (173003, Velikij Novgorod, Bolshaja Sankt-Peterburgskaja st., 41), e-mail: terdb@mail.ru

The article gives a review of copies of publications of the «Cheyji-Minei» from the collection of the Novgorod Museum and the Russian state library. Analyzed the «signs of the presence» of readers and owners of books in the form of various litter, notes, bookmarks, the extent and nature of the dirt sheets, safety cover, etc. Analysis single-piece description of the «Cheyji-Minei» (the corpus of the lives of saints) lets talk about the types of the distribution and the reception of the book by readers. Received a great actual historical, social, family material: the books notations say about the events in the families of the book owners, about the events of the in the city or the country. They reported on the events of ordinary life that make up the «private history» of the society.

Keywords: book, «Chetji-Minei», single-piece description.

«Четьи-Минеи», корпус агиографических текстов, расположенных по дням церковного года, является концептуальным явлением в русской словесности. Отличающийся активной жизнью в читательской среде, свод житий Дмитрия Ростовского бытовал во множестве форм: собственно сводом – в наиболее «статусных» книжных собраниях; отдельными томами – в частных, небольших приходских, общественных городских библиотеках; в выписках – в личных собраниях; в извлечениях – дешевых, общедоступных изданиях отдельных житий. В нашу задачу входит исследование отдельных экземпляров «Четьих-Миней» Дмитрия Ростовского для выявления истории бытования книги в читательской среде.

Методика описания экземпляров печатного издания разработана в связи с необходимостью получить нужные сведения об издании (его распространении, популярности, особенностях содержания), о судьбе отдельных книг и прочую историко-

культурную информацию. Основной задачей описания печатной книги (в том числе – старопечатной) И.В. Поздеева обозначает следующее: «Общей задачей описания экземпляра является выявление его особенностей, отражающих все этапы возникновения и бытования книги: и как части определенного тиражированного текста – части издания, история которого ограничена временем печати; и как самостоятельной книги, имеющей уникальную и неповторимую судьбу» [4, 9; 7; 6]. В нашем исследовании бытования Четых-Миней в читательской среде нам будет важен именно второй аспект изучения экземпляров; в стороне остаются многие вопросы характеристики собственно издания Четых-Миней, ибо «вопросы о точном соответствии тетрадной формулы, особенностях оформления и набора, состоянии досок и иные относятся к описанию издания и его вариантов, а не экземпляра» [4, 14]. Мы останавливаемся на тех аспектах использования экземпляров Четых-Миней, которые обнаруживают активное присутствие человека (читателя, владельца, пользователя в различных целях и проч.) в читательских/владельческих пометах, записях на полях и чистых листах книги, а также в степени ее сохранности и прочих «следах» человека (детские росчерки на тексте, отрывы бумаги в хозяйственных целях, степень загрязнения книги насекомыми и порчи влагой, говорящая об условиях хранения книги и т.д. и т.п.) – словом, на всем том, что являет историю книги как факта культурной (прежде всего – духовной) жизни общества, насколько выявление этих факторов может быть интерпретировано, восстановлено или предположительно реконструировано.

Стоит отметить, что, подходя к описанию отдельных экземпляров книги, дающему «богатую и разнообразную, а порой и совершенно уникальную историческую и историко-культурную информацию» [4, 9], нужно в свою очередь иметь в виду историко-культурный контекст бытования издания (или типа книги) в той или иной среде, особенность которой понятна изначально. Так, например, по отношению к бытованию Четых-Миней Дмитрия Ростовского как книги четый, «душеполезной», а, значит, во многом «сокровенной», мы отмечаем достаточно скудное количество записей непосредственно на книгах, которые, несомненно, были к тому же достаточно дорогими а, значит, особо хранимыми. Анализ количества сохранившихся экземпляров Четых-Миней (в целом не очень внушительного) приводит к возможному выводу о том, что до нас дошли как раз те экземпляры, которые хранились с особым тщанием и, следовательно, мало отразили следы читательского присутствия. Следует предположить, что в Лету канули как раз те книги Четых-Миней, следы присутствия читателей и владельцев на которых были наиболее многочисленными и показательными.

Однако даже не дороговизна книг определяла отношение к книге, а особенности культуры чтения в той или иной среде. Так, например, оказались охарактеризованными

пометы на старообрядческих книгах Усть-Цилемы [2] и Удоры [5], что позволяет произвести сопоставительный анализ различий бытования книги в старообрядческой и новообрядческой среде. Обилие записей на старообрядческих книгах о факте чтения их тем или иным человеком говорит не только о несомненной активности чтения в старообрядческой среде, но и о том, что исходя из норм общинной жизни требовалась *фиксация* этой активности (прежде всего в целях послушания духовному наставнику). Интересно, что многие записи сделаны, судя по всему, не самими читателями, а их наставниками (и/или владельцами книги) – об этом говорят записи вроде: «Сию книгу под названием Списка случилось прочитать крестьянину Устьцелемьского селения Прокопью Евла[мпиевичу] Чупрову 1865, 73 и 73 года (!) июля 24-го» (ИРЛИ УЦ 266, л. 82); «Верю, что подпись Чупров» (там же, л. 81 об., печатные буквы); «Верю, что подпись Чупрова... (далее подпись неразборчиво). 1868 г. 2 января» (там же, л. 82, под записью П. Чупрова)» [2, 40]. Некоторые записи косвенно указывают на требования к чтению и, возможно, надзору за ним: читатели указывают точные даты, когда они начали чтение и окончили его, как долго читали книгу, на то, что читали «каждый день» или «от корки до корки»; встречаются благодарности владельцу книги и благословение его. Все это свидетельствует об особой культуре старообрядческого чтения, подчиненной строгой внутренней системе и традициям гораздо более коллективного, общинного взаимодействия с книгой – в отличие от индивидуально ориентированной светской (и во многом – религиозной также) традиции индивидуального и мало афишируемого (и даже обсуждаемого) душеполезного чтения, распространившейся в рамках официальной религии и в той или иной степени вне этих рамок.

De visu нами исследован 61 экземпляр печатных «Четьих-Миней» из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (НГОМЗ) и Российской государственной библиотеки (РГБ). Также были проанализированы каталоги нескольких собраний печатной книги, содержащие поэкземплярное описание изданий, с указанием вкладных записей и состояния книги [3].

Следует отметить, что составы сохранившихся экземпляров «Четьих-Миней» в НГОМЗ и РГБ очень разнятся качеством и количеством. Если последнее обстоятельство объяснимо общим богатством собрания РГБ, в том числе Музея книги, то высокое качество сохранившихся в РГБ экземпляров (как по степени сохранности, так и по исполнению каждого экземпляра – наличию и ценности переплета, тисненого рисунка на бумажном блоке и т.д.) можно объяснить лишь отчасти: многие экземпляры поступили в РГБ из Троице-Сергиевой лавры, где, видимо, сохранялись со всем возможным тщанием, а также украшались переплетами, часто с тисненым золотом орнаментом по периметру крышек. В собрании РГБ немало «парадных» экземпляров «Четьих-Миней», но чаще всего именно они

не содержат следы читательского присутствия (отсутствуют пометы, записи, загрязнения и т.д.).

В противоположность этому многие экземпляры «Четьих-Миней» в собрании НГОМЗ находятся в очень плохом состоянии; по словам хранителей, – «в руинированном». Это зависит прежде всего от условий хранения, а не использования. Часть старопечатных книг была вывезена из Новгорода во время войны в Германию, хранилась в ужасных условиях и возвращена в совершенно разрушенном виде. Те минеи, что в состоянии читаемом, обнаруживают следы использования: загрязненные углы листов, следы воска, пятна от каких-то жидкостей. Некоторые развороты сильно загрязнены, засижены насекомыми, как будто долго лежали открытыми на одном месте. Примечательно также, что в минеях мало помет (изредка – лишь пометы на полях), мало владельческих записей. В одной из хорошо сохранившихся миней (в той части, где читается Житие Варвары) вложен листок писчей бумаги с красивыми водяными знаками; на листке карандашом дореволюционной орфографией сделан «конспект» жития Варвары, возможно, для рукописного сборника избранных житий либо просто «для себя» (возможно, конспект принадлежит читательнице, тезоименитой святой Варваре).

Записи в книгах «Четьих-Миней» разделяются на владельческие, записи типа «проба пера», святцев (выписано, в какой день года поминается тот или иной святой – видимо, тезоименитый владельцу книги или членам его семьи), записи фамильного характера (о рождении и смерти родственников, других значимых событиях жизни) и «летописно-краеведческого» содержания (например, о пожаре в Гостином дворе в Боровичах или доставке в город иконы Богоматери из Валдая), в некоторых случаях записями на полях являются отклики на прочитанный текст.

Среди следов, говорящих о практике и истории использования каждой конкретной книги, можно назвать залоснение листов пальцами, следы воска от свечей, следы пыли и насекомых (мух, тараканов, жучков-древоточцев), отпечатки от засушенных в книге цветов, детские каракули на листах чистых и с текстом (последнее, нередкое явление говорит скорее о том, что «Четьи-Минеи» находились в пределах досягаемости членов семьи, в том числе малолетних, но к книге относились бережно: многие разорванные листы аккуратно подклеены). Важными и интересными фактами использования «Четьих-Миней» становятся документы, находящиеся в книгах, не имеющие отношения к тексту и говорящие о деталях жизни и быта владельцев книги. Такими документами, счастливо сохранившимися в некоторых экземплярах, являются частные письма, поминальные записки, читательское требование на книгу Четьих-Миней студента начала XX в., полоски из газет и листов отрывных календарей советского времени (в некоторых случаях со ссылками на тексты в

составе книги Четых-Миней, которые следует прочитать), фрагментов церковных книг (все это служило закладками).

Некоторые экземпляры «Четых-Миней» обнаруживают самые активные следы читательского присутствия в тех экземплярах, что хранились в личных собраниях, а также (и это самые яркие примеры в высшей степени «активного» и даже критического чтения) – в тех, что поступили из Московской духовной академии (ныне в собрании РГБ). В этих экземплярах «Четых-Миней» отразились даже записи библиотекарей (на обклейках крышек переплета, чистых переплетных листах), кому из студентов академии выдавалась книга («У Любятовского», «У В. Гаретовскаго», «№ 3 У ст. А. Рождественскаго», «у Вознесенскаго»), не говоря уже о целой системе читательских помет. Примечательно, что количество и характер помет (в основном на полях книги) не зависят от тематики текста – читательской рефлексии равно подвергаются широко известные жития и те, что были мало распространены в православной среде.

Типы помет:

- 1) карандашные подчеркивания в тексте и отчеркивания фрагментов текста на полях;
- 2) записи NB и прочие знаки особого внимания к написанному (+, =, ≠, # и др.);
- 3) знаки вопроса на полях, вместе с подчеркиваниями соответствующих фрагментов текста или маргиналий на полях;
- 4) дополнения к тексту (например, имя патриарха «Илия»; в тексте имени патриарха нет);
- 5) знаки конспективно-выделяющего характера (а), 1) и др.);
- 6) гипертекстовые отсылки выделенных отчеркиванием фрагментов («Ср.л. 106 об.», «К л. 105 об.», записи типа «см. оборот», «см. ниже» и др.; гипертекстовые отсылки к другим датам памятей святых, упомянутых в тексте);
- 7) «эмоциональные» пометы типа «недобр.» и др.;
- 8) уточнение ссылок на источник цитирования, чаще с переводом славянской цифири на арабские;
- 9) пометы латиницей;
- 10) записи-отсылки к фоновым знаниям по предмету фрагмента текста («О семь Ив[ан] Пет [рович] говорил инако, яко Евсейий крестъ <нрзб.>» (РГБ, Четьи-Миней. Декабрь – февраль. М., 1759. Инв. № 5854. Л. 228 об.).
- 11) записи лексического и стилистического характера (рядом со словами «сквара, гной, косма, тыквица» подписано на полях: «запах, гарь; кал, дыра, стклянка» и др.);
- 12) ссылки на иноязычные источники («У Болланд[истов] 13 февр.»);
- 13) геометрические рисунки карандашом;

- 14) пометы «служебного» характера (например, на полях листов с текстом жития Макария Египетского отчеркивание фрагментов и карандашом в столбик: «согласно»);
- 15) пометы на полях «зри»; «зри» и рисунок кисти руки с указующим перстом;
- 16) записи содержательного характера: «зри о иконе направ [ляет] ангел Лукой» (Четьи-Минеи. Июнь – август. М., VI. 1764. Инв. № 9668. Л. 177);
- 17) записи пояснительного характера: «стадия – около 1½ версты», «оцтомъ» – «свиная желчь»;
- 18) записи, относящиеся к личным проблемам и размышлениям («Прочти, как детей своих любить, а не учить и наказавати (так!), за что получишь казнь от Бога, как священникъ Илии, чти 20-го августа, лист 500 всю повесть» (Четьи-Минеи. Июнь – август. М., VI. 1764. Инв. № 9668. Л. II об. (переплетный))).

Можно предположить, что Четьи-Минеи бытовали в читательской среде зачастую как «настолярные книги», причем активно используемые для личных записей, часто фамильного, семейного (чаще – поминального) характера. Постоянное их употребление объясняет плохое внешнее состояние практически всех сохранившихся миней, не говоря уже о том, что многие из них были утрачены. Особенно уязвимыми были переплеты этих изданий. Книги из личных библиотек почти без помет в тексте. Таким образом, чтение зачастую было некритическим. Можно предположить также, что книги Четьих-Миней сохранялись с особым тщанием, а потому помет в них нет из соображений бережного отношения к книге. При этом в личных книгах больше владельческих записей и записей семейного содержания. Стоит отметить, что отсутствие восковых следов на страницах книги еще не означает, что книга не читалась: восковые следы чаще оставались на книгах церковного обихода. Одна и та же книга миней переходила от поколения к поколению, продавалась и, вероятно, выкупалась обратно потомками рода; принадлежала мещанам, крестьянам, купцам, ремесленникам (одна из исследованных нами книг была в собственности тульского оружейника), помещикам, священникам, монастырям (в собрании РГБ много книг Четьих-Миней из Троице-Сергиевой лавры, в НГОМЗ – из Иверского монастыря), священникам, духовным учебным заведениям. Уникальный экземпляр из собрания РГБ принадлежал Дмитрию Ростовскому; сохранились многочисленные его пометы на полях книги и бумажных полосках-вклейках. Отмечены случаи принадлежности тома Четьих-Миней целому селу. Иногда этот экземпляр (как, например, Четьи-Минеи из собрания РГБ, инв. № 7797) хранился в помещении, куда, видимо, был доступ жителям села (контора, склад и т.д.); в нее могли быть вписаны финансовые расчеты, благодарственные записи. Факт покупки книги Миней Четью отмечался как важное событие в виде владельческой записи. Скорее всего отдельные тома Четьих-Миней покупали по случаю (не отмечены факты указания на

отдельные жития в томе, каким-либо образом (через тезоименитство святому и проч.) связанные с владельцем книги). «Кириллическая книга, таким образом, широко бытовала среди различных слоев населения, особенно среди низового читателя, выполняя информационные, учебные и общеобразовательные функции и являясь одним из важных элементов русской культуры XVIII в.» [1, 139].

Список литературы

1. Афанасьева Т.А. Распространение кириллической книги в России в XVIII в. / Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. – Л., 1988. – С. 131–139.
2. Волкова Т.Ф. Печорские крестьяне-старообрядцы – читатели старинных книг // История русского читателя: Вып. 5. Сб. статей. СПб., 2010. С. 19–42.
3. Каталог русских книг гражданской печати 1801–1825 гг. Череповецкого краеведческого музея. – Вологда, 1983; Каталог книг кириллической печати XVIII века Псковского музея-заповедника. – Великие Луки, 1996; Каталог старопечатных и рукописных книг древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. – Часть 3. – Екатеринбург, 1995; Каталог старопечатных и рукописных книг древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. – Часть 5. – Екатеринбург, 1998.
4. Поздеева И.В. Современные методы описания старопечатных изданий. (Новые информационные технологии в образовании: Обзорная информация). – Вып. 3. – М., 1990.
5. Прокуратова Е.В. Читательские записи в рукописных и старопечатных книгах коми крестьян-старообрядцев XVIII–XX веков // История русского читателя: Вып. 5. Сб. статей. – СПб., 2010. – С. 43–55.
6. Список терминов для создания научного описания экземпляра // Книжные памятники: изучение, сохранение, использование: Сб. материалов. – Архангельск, 2010. – С. 122–126.
7. Схемы научного описания экземпляра // Книжные памятники: изучение, сохранение, использование: Сб. материалов. – Архангельск, 2010. – С. 120–121.

Рецензенты:

Кошелев А.В., д.фил.н., проф. кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород;

Каминская Т.Л., д.фил.н., проф. кафедры кадровой политики и управления персоналом Российской академии народного хозяйства государственной службы, г. Великий Новгород.